

УДК 371.4

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ – центральная фигура в русской социальной мысли 1860-х годов¹

Светлана Сергеевна Невская,

*доцент, ведущий научный сотрудник Центра истории педагогики и образования
Института стратегии развития образования Российской академии образования,
доктор педагогических наук*

*Посвящается памяти
Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889)*

Н.Г. Чернышевский — русский философ-утопист, революционер-демократ, учёный, литературный критик, публицист и писатель. Своей жизнью и творчеством оказал сильное влияние на молодое поколение второй половины XIX века. Неслучайно Н.А. Бердяев считал Н.Г. Чернышевского центральной фигурой в русской социальной мысли 1860-х годов, её идейным вождём. По словам Николая Александровича, такие люди, как Чернышевский, составляют «нравственный капитал, которым впоследствии будут пользоваться менее достойные люди». В статье «Русская идея» (1946 г.) Н.А. Бердяев подчеркнул, что по личным нравственным качествам это был не только один из лучших русских людей, но и человек, близкий к святости. «Дело Чернышевского было одной из самых отвратительных фальсификаций, совершённых русским правительством. Он был приговорён к девятнадцати годам каторги. Нужно было изъять Чернышевского как человека, который мог иметь вредное влияние на молодёжь. Он вынес каторгу героически, можно было бы даже сказать, что он перенёс своё мученичество с христианским смирением»².

- социальные перемены • изменение общества и отдельного индивида
- всестороннее развитие личности • саморазвитие и самопожертвование
- высокоидейная и всесторонне развитая в физическом и духовном отношении личность

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы (№ 27.8089.2017/БЧ) «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

Николай Гаврилович Чернышевский родился 12 (24) июля 1828 г. в семье протоиерея Александро-Невского кафедрального собора г. Саратова Гавриила Ивановича Чернышевского (1793—1861), происходившего из крепостных села Чернышева Чембарского уезда Пензенской губернии (название села дало ему и фамилию)³.

С раннего детства к Николаю Чернышевскому был приставлен гувернёр-француз. До 14-летнего возраста он учился дома под руководством отца и двоюродной сестры Л.Н. Пыпиной. От отца (в молодости педагога, человека образованного, у которого в домашней библиотеке находились книги от Цицерона и Гомера до Карамзина и Пушкина) была передана сыну любовь к книге. Отца и сына связывали любовь и взаимное уважение. Мать умерла, когда сыну было 25 лет⁴. Окружающих поражала начитанность подростка, его прозвали «библиофагом» — пожирателем книг.

² Цит по кн: «О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.Н. Зеньковский, П.А. Сорокин, Г.П. Федотов, Г.В. Флоренский. — М.: «НАУКА» 1990. — С. 136.

³ Отец был старшим сыном дьякона села Чернышевки Чембарского уезда Пензенской губернии Ивана Васильева (1763—1809) и его супруги Евдокии (Авдотьи) Марковны (1767—1835). После обучения в Тамбовском училище Гавриил Иванович был переведён в Пензенскую семинарию, где для включения его в списки семинаристов и получил фамилию по месту рождения с. Чернышево Пензенской губернии — Чернышевский. Женившись на дочери протоиерея Е.И. Голубева, в 1825 г. стал протоиереем в Саратове; с 1826 г. — член духовного правления. Г.И. Чернышевский был человеком образованным, знал языки и историю.

⁴ Мать — Евгения Егоровна Голубева (1803—1853), венчалась с Г.И. Чернышевским в 1818 г. Дед Н.Г. Чернышевского по матери, Егор (Георгий) Иванович Голубев (1781—1818), служил протоиереем саратовской Нерукотворенно-Спаской (Сергиевской) церкви, отличался учёностью, честностью, многими был любим. Бабка (по матери) — Пелагея Ивановна Голубева, урождённая Кириллова (1780—1847), дочь саратовского священника Иоанна (Ивана) Кириллова [1761—1821] и его супруги Мавры Порфирьевны [1761 — после 1814], имела двух дочерей, была непреклонной, властной, подчиняющей себе окружающих женщиной старого века. Единственная сестра матери Н.Г. Чернышевского,

В 1843 г. Николай Гаврилович поступил в Саратовскую духовную семинарию. Необыкновенно развитый не по годам, образованный выше семинарского курса сверстников; он, не окончив семинарию, в 1846 г. поступает в Петербургский университет на историко-филологическое отделение философского факультета.

Н.Г. Чернышевский-студент поражал широтой и основательностью духовных запросов, самостоятельностью, тягой к самовоспитанию и самообразованию. Он проявляет большой интерес к российской словесности, считая, что ей принадлежит огромная роль в разрешении «судеб народных». На формирование мировоззрения Николая Гавриловича повлияли: античная литература, французский и английский материализм XVII—XVIII веков, труды Ньютона, Лапласа, идеи социалистов-утопистов, классиков политэкономии, а также диалектика Гегеля и антропологический материализм Фейербаха. Большое влияние на юного мыслителя оказал кружок И.И. Введенского. Уже в годы студенчества Николай Гаврилович начал писать первые произведения; он утверждает на позиции революционного демократизма. В «Дневнике» он записывает: «Я стал по убеждению в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев» (сентябрь 1848 г.); «(Неодолимое ожидание близкой революции и жажда её); «Через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны» (11 июля 1849 г.); «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда её» (1859 г.)⁵. Его посещали идеи о создании «тайного станка» — нелегальной типографии, где можно

Александра Егоровна Голубева, была замужем за подпоручиком артиллерии Николаем Михайловичем Котляревским, а после его смерти — за мелкопоместным дворянином Николаем Дмитриевичем Пыпиным (1808—1893), саратовским чиновником. В числе их семерых детей был А.Н. Пыпин.

⁵ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. — М.: Гослитиздат, 1939—1953. Т.1. — С. 356—357.

напечатать манифест, в котором провозгласить свободу крестьянам (дневниковая запись от 14 мая 1850 г.).

В 1850 г., окончив университетский курс кандидатом, Н.Г. Чернышевский получил назначение в Саратовскую гимназию и с весны 1851 г. два года работает учителем словесности. С его приходом в гимназию содержательно обогатились уроки словесности: в основу преподавания было положено чтение и разбор произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова. Н.Г. Чернышевский считал, что художественная литература («учебник жизни») обогащает интеллектуальный мир человека, помогает ему понять жизнь, людей, самого себя, способствует нравственному и эстетическому воспитанию, формирует гражданские чувства.

В 1853 г. Чернышевский встретил Ольгу Сократовну Васильеву (1833–1918), которая стала его верной спутницей жизни⁶. Ольга Сократовна отличалась жизнерадостным, энергичным, весёлым, смелым характером, любила подвижные игры. Весной 1853 г. он с супругой переезжает из Саратова в С.-Петербург⁷.

В столице Николай Гаврилович работает над диссертацией «Эстетические отношения искусства к действительности», преподаёт отечественную словесность в военных училищах, сотрудничает с издателями «Атеней», «Отечественных записок», «С.-Петербургскими Ведомостями». Он знакомится с Некрасовым и с начала 1854 г. вплотную сотрудничает с журналом «Современник». В 1855–1862 гг. вместе с Н.А. Некрасовым и Н.А. Добролюбовым ведёт решительную борьбу за превращение журнала в трибуну революционной демократии. Это вызывало протест таких литераторов-либералов, как П. Боткин, П.В. Анненков, А.В. Дружинин, И.С. Тургенев.

⁶ Отец Ольги Сократовны был саратовским доктором Сократом Евгеньевичем Васильевым (1796–1860), а мать Анна Кирилловна Казачковская — дочь генерал-лейтенанта К.Ф. Казачковского.

⁷ У них родилось трое сыновей. Александр (5.03.1854, Санкт-Петербург, — 17.01.1915, Рим, Италия), математик по образованию, всю жизнь увлекавшийся литературой. Виктор (20.01.1857, Санкт-Петербург, — ноябрь 1860, там же), умер в детстве. Михаил (7.10.1858, Санкт-Петербург, — 3.05.1924), был первым директором музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского. Был женат на Елене Матвеевне Соловьёвой (1864–1940).

Защита диссертации («Эстетические отношения искусства к действительности») состоялась 10 мая 1855 г. в университете. В исследовании Н.Г. Чернышевский в резкой форме критиковал эстетику идеалистов и теорию «искусство для искусства». Министр просвещения А.С. Норов помешал присуждению учёной степени. Только в 1858 г., когда Норова сменил Е.П. Ковалевский, Н.Г. Чернышевский был утверждён в степени магистра русской словесности. После защиты философской диссертации Николай Гаврилович опубликовал в журнале «Современник» «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855 г.). В статье он писал, что «сила человека зависит от знания действительности; только действуя в соответствии с законами окружающего мира, человек способен добиться его улучшения».

В 1856–1862 гг. Н.Г. Чернышевский печатает в журнале статьи и обзоры по научным и политическим вопросам. Его не только признают лучшим литературным критиком, но считают идейным продолжателем В.Г. Белинского.

С 1856 г. началась дружба Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. В 1858 г. Николай Гаврилович стал первым редактором журнала «Военный сборник»⁸. О работе Н.Г. Чернышевского в революционных кружках были осведомлены А.И. Герцен и Н.П. Огарёв. В июне 1859 г. Николай Гаврилович ездил к ним в Лондон для объяснения по поводу статьи «Very dangerous!» («Очень опасно!»), напечатанной в «Колоколе».

В 1860-е годы Н.Г. Чернышевский признаётся лидером публицистической школы русского философского материализма. В философском сочинении

⁸ Н.Г. Чернышевский привлек к работе революционного кружка офицеров Сераковского, Калиновского, Шелгунова и др.

«Антропологический примат в философии» (1860 г.) была представлена его материалистическая позиция, направленная и против дуализма, и против идеалистического монизма. Для него философия — это теория решения самых общих вопросов науки. Николай Гаврилович, используя данные естественных наук, обосновывал положения о материальном единстве мира, об активном характере законов природы.

С сентября 1861 г. Н.Г. Чернышевский находится под тайным надзором полиции⁹. С мая 1862 г. на восемь месяцев был закрыт журнал «Современник». 12 июня 1862 г. Николая Гавриловича арестовали, обвинив в составлении прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»¹⁰. Он был заключён в одиночную камеру Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

Протестуя против незаконных действий следственной комиссии, Н.Г. Чернышевский объявил голодовку, продолжавшуюся 9 дней. За 678 суток ареста Николай Гаврилович написал более 200 авторских листов. Утопические идеалы арестанта Чернышевского были выражены в романе «Что делать?» (1863 г.), опубликованном в 3, 4 и 5 номерах «Современника».

7 февраля 1864 г. сенатором М.М. Карниолиным-Пинским был объявлен приговор

⁹ Шеф жандармов Долгоруков даёт такую характеристику Чернышевскому: «Подозревается в составлении воззвания „Великорусс“, в участии составления прочих воззваний и в постоянном возбуждении враждебных чувств к правительству». Подозревался в причастности к пожарам 1862 года в Петербурге.

¹⁰ Воззвание к «Барским крестьянам» было переписано рукою Михайлова и передано Всеволоду Костомарову, оказавшемуся, как потом выяснилось, провокатором. В служебной документации и переписке между жандармерией и тайной полицией назывался «врагом Российской Империи номер один». Поводом для ареста послужило перехваченное полицией письмо Герцена к Н.А. Серно-Соловьевичу, в котором упоминалось имя Чернышевского в связи с предложением издавать запрещённый «Современник» в Лондоне. Следствие продолжалось около полутора лет.

по делу Н.Г. Чернышевского: ссылка на каторжные работы сроком на 14 лет, а затем пожизненное поселение в Сибири. Александр II уменьшил срок каторжных работ до семи лет.

19 (31) мая 1864 г. в Петербурге состоялась гражданская казнь Н.Г. Чернышевского. Затем он был отправлен в Нерчинскую каторгу в Кадаинскую тюрьму; в 1866 году переведён в Александровский Завод Нерчинского округа, в 1867 году — в Акатуйскую тюрьму, по окончании семилетней каторги его перевели в Вилюйск (1871 г.).

Н.Г. Чернышевский пробыл в тюрьме, затем на каторге и в ссылке свыше 20-ти лет. В 1874 г. ему официально было предложено освобождение, однако он отказался подать прошение о помиловании¹¹. 27 июня 1889 г. Николай Гаврилович, благодаря хлопотам сына Михаила, переезжает в Саратов, но уже 11 октября того же года заболевает малярией.

Н.Г. Чернышевский скончался в 17 (29) октября 1889 г. от кровоизлияния в мозг. 20 октября был похоронен в городе Саратове на Воскресенском кладбище.

* * *

По мнению научной общественности, Николай Гаврилович Чернышевский один из самых известных и почитаемых русских писателей и публицистов. Автор романа «Что делать?» был идейным лидером «Земли и воли» (сообщества, в котором подымались революционные идеи). Такая активность сделала Н.Г. Чернышевского наиболее опасным врагом Российской империи¹². Николай Гаврилович считал, что «естественные потребности»,

¹¹ Организатором одной из попыток освобождения Н.Г. Чернышевского (1871) из ссылки был Г. А. Лопатин. В 1875 г. освободить его попытался И. Н. Мышкин. В 1883 г. Чернышевского перевели в Астрахань (по некоторым данным, в этот период переписчиком у него работал Константин Фёдоров).

а также «общественные привычки и обстоятельства» — главные факторы формирования нравственного сознания. Удовлетворение потребностей устранит препятствия расцвету личности и причины нравственных патологий. Для этого нужно изменить сами условия жизни через революцию.

Концепция «разумного эгоизма» и «антропологический принцип» Н.Г. Чернышевского заключались в следующем:

- с одной стороны, человек есть «биосоциальное» существо и принадлежит к миру природы, определяющему его «сущность»;
- с другой стороны, человек состоит в общественных отношениях с окружающими его людьми, в которых он реализует изначальное стремление «натуры» к удовольствию;
- для получения большей выгоды, большего удовольствия индивидуум «поступает так, как приятней ему поступать, руководится расчётом, велящим отказываться от меньшей выгоды и меньшего удовольствия».

Н.Г. Чернышевский, отрицая свободу воли, признавал действие закона причинности. Он писал, что «то явление, которое мы называем волею, является звеном в ряду явлений и фактов, соединённых причинной связью».

¹² Н.Г. Чернышевским написаны следующие романы, повести о новых людях, рассказы, а также литературная и философская критика: «Повести в повести» (незаконченный, 1863 г.), «Пролог» (незаконченный, 1867–1870); «Алферьев» (1863), «Мелкие рассказы» (1864 г.), «Вечера у княгини Старобельской» (не было напечатано, 1889); «Об искренности в критике» (1854 г.), «Бедность не порок. Комедия А. Островского» (1854 г.), «Сочинения Пушкина» (1855 г.), «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855–1856 г.), «Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения» (1856 г.), «Стихотворения Кольцова» (1856 г.), «Стихотворения Н. Огарёва» (1856 г.), «Собрание стихотворений В. Бенедиктова» (1856 г.), «Детство и отрочество. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого» (1856 г.), «Очерки из крестьянского быта А.Ф. Писемского» (1857 г.), «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность» (1857 г.), «Губернские очерки» Щедрина» (1857 г.), «Сочинения В. Жуковского» (1857 г.), «Стихотворения Н. Щербины» (1857 г.), «Письма об Испании» В.П. Боткина» (1857 г.), «Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева “Ася”» (1858 г.), «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии» (1860 г.), «Не начало ли перемены? Рассказы Н.В. Успенского. Две части» (1861 г.) и т.д.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

Благодаря же свободе выбора человек двигается по тому или иному пути социального развития, а просвещение людей должно служить тому, что они научатся выбирать новые и прогрессивные пути, то есть становиться «новыми людьми», идеалы которых — служение народу, революционный гуманизм, исторический оптимизм. «С целью приблизить торжество выбранного идеала, у развитого человека личный интерес побуждает его на акт благородного самопожертвования».

В 1858–1859 гг. в трёх статьях под общим названием «О новых условиях сельского быта» Николай Гаврилович в подцензурной форме проводил идею немедленного освобождения крестьян с землёй без всякого выкупа. Этим, считал он, будет сохранено общинное владение землёй, что постепенно приведёт к социалистическому землепользованию¹³. В работах Н.Г. Чернышевский использовал идеи Фурье¹⁴ и его ученика Консидерана. Он считал общину патриархальным институтом русской жизни. В общине существует товарищеская форма производства параллельно с капиталистическим производством (последнее со временем будет упразднено). Тогда будет окончательно утверждено коллективное производство

¹³ Когда официальная пресса печатала манифест Александра II от 19 февраля 1861 на первой странице, «Современник» поместил лишь выдержки из Царского Указа в конце книжки, в виде приложения, не имея возможности прямо раскрыть характер реформы. В том же номере были напечатаны стихи американского поэта Лонгфелло «Песни о неграх» и статья о рабстве афроамериканцев в США. Читатели понимали, что хочет сказать этим редакция.

¹⁴ В «Очерках из политической экономики» Н.Г. Чернышевский передает учение утописта о труде, указывая на необходимость крупного производства, и разъясняет невыгодность труда наёмного. Н.Г. Чернышевский считал, что «потребитель продукта должен являться и его хозяином-производителем». Согласно воззрениям Фурье, Н.Г. Чернышевский указывал на преувеличенное значение торговли в современном обществе и недостатках её организации.

и потребление, а община как форма производственного объединения исчезнет¹⁵.

Недостатки системы образования, по Чернышевскому, заключаются в низком уровне и потенциале отечественной науки, в схоластичных методах преподавания, в муштре вместо воспитания и в неравенстве женского и мужского образования.

Отстаивая антропологический подход, Николай Гаврилович считал человека венцом творчества, изменчивым, деятельным существом. Дурное поведение не наследственно — это следствие плохого воспитания и бедности. Активность, природа которой коренится в осознании недостаточности и стремлении эту недостаточность ликвидировать, по Чернышевскому, — главное свойство человека. Он верил, что социальные перемены ведут к изменению всего общества в целом и каждого отдельного индивида в отдельности. Всесторонне развитая личность, готовая к саморазвитию и самопожертвованию ради общественного блага, — педагогический идеал Н.Г. Чернышевского. Он отстаивал решительную переделку общества, для чего призывал готовить сильных, умных, свободолюбивых людей.

В заключение выделим основополагающие идеи Н.Г. Чернышевского в области педагогики:

- в развитии и формировании человеческой личности решающую роль играют условия жизни, окружающей среды и воспитание;
- роль наследственности полностью не отрицается, но наследственностью не предопределяется развитие человека. Человек должен активно противодействовать влиянию порочного воспитания, бороться с неблагоприятными условиями жизни;
- в преподавании дрессировка не допустима, она притупляет ум, убивает детскую любознательность и самостоятельность мысли (существующий строй не в состоянии обеспе-

¹⁵ Срок перехода от обработки земли частными силами отдельного хозяина к общинной обработке целой мирской дачи Н.Г. Чернышевский оценивал в 20–30 лет.

чить воспитание высококультурного человека и борца за справедливость);

- цель воспитания — подготовка борца за справедливость, активного участника в гражданских делах, борца за благо народа, за его радостную свободную трудовую жизнь. Это высокоидейная и всесторонне развитая в физическом и духовном отношении личность;
- общее образование играет главную фундаментальную роль в системе подготовки всестороннего развития человека. Общее образование включает в себя умственное (ведущее место), нравственное, физическое и эстетическое воспитание;
- умственное воспитание вооружает глубокими и разносторонними знаниями, развивает мыслительные способности;
- нравственное воспитание развивает благородные чувства, любовь к прекрасному и доброму, в том числе любовь к родине и народу, честность, правдивость, чуткое отношение к человеку, любовь к труду;
- физическое воспитание развивает и укрепляет физическое здоровье учащихся, а также способствует успешному развитию их умственных способностей;
- эстетическое воспитание — способ научить видеть, понимать и глубоко чувствовать прекрасное, пользоваться средствами искусства и уметь осуждать порочное, неэстетичное в жизни.

Н.Г. Чернышевский предъявлял следующие требования к учителю:

- он должен непременно знать ученика, уважать в нём человека, исключить негуманные меры воздействия на него;
- должен обеспечить высокий уровень урока, его содержания и формы, вызывая интерес и внимание к предмету. Последнее обеспечит дисциплину учащихся.

Вопросы педагогики, содержания, форм и методов обучения глубоко затрагивались Н.Г. Чернышевским в статьях, посвящённых проблемам общественной жизни, борьбе за политическую свободу. Н.Г. Чернышевский оставил неизгладимый след в области образования, его педагогические мысли сохраняют актуальность и в наши дни.

В 2018 году отмечается 190-летний юбилей со дня рождения Н.Г. Чернышевского (1828–1889) и Л.Н. Толстого (1828–1910). На суд читателю представляем статью Н.Г. Чернышевского «Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н. Толстого. СПб., 1856...».

Чернышевский Н.Г.

Детство и отрочество

Сочинение графа Л.Н. Толстого. СПб., 1856

Военные рассказы

графа Л.Н. Толстого. СПб., 1856¹⁶

«Чрезвычайная наблюдательность, тонкий анализ душевных движений, отчётливость и поэзия в картинах природы, изящная простота — отличительные черты таланта графа Толстого». Такой отзыв вы услышите от каждого, кто только следит за литературой. Критика повторяла эту характеристику, внушённую общим голосом, и, повторяя её, была совершенно верна правде дела.

Но неужели ограничиться этим суждением, которое, правда, заметило в таланте графа Толстого черты, действительно ему принадлежащие, но ещё не показало тех особенных оттенков, какими отличаются эти качества в произведениях автора «Детства», «Отрочества», «Записок маркера», «Метели», «Двух гусаров» и «Военных рассказов»? Наблюдательность, тонкость психологического анализа, поэзия в картинах природы, простота и изящество — всё это вы найдёте и у Пушкина, и у Лермонтова, и у г. Тургенева, определять талант каждого из этих писателей только этими эпитетами было бы справедливо, но вовсе не достаточно для того, чтобы отличить их друг от друга; и повторить то же самое о графе Толстом ещё не значит уловить отличительную физиономию его таланта, не значит показать, чем этот прекрасный талант отличается от многих других столь же прекрасных талантов. Надобно было охарактеризовать его точнее.

Нельзя сказать, чтобы попытки сделать это были очень удачны. Причина неудовлетворительности их отчасти заключается в том, что

талант графа Толстого быстро развивается и почти каждое новое произведение обнаруживает в нём новые черты. Конечно, всё, что сказал бы кто-нибудь о Гоголе после «Миргорода», оказалось бы недостаточным после «Ревизора», и суждения, высказавшиеся о г. Тургеневе как авторе «Андрея Колосова» и «Хоря и Калиныча», надобно было во многом изменять и дополнять, когда явились его «Записки охотника», как и эти суждения оказались недостаточными, когда он написал новые повести, отличающиеся новыми достоинствами. Но если прежняя оценка развивающегося таланта непременно оказывается недостаточно при каждом новом шаге его вперёд, то, по крайней мере, для той минуты, как является, она должна быть верна и основательна. Мы уверены, что не дальше как после появления «Юности», то, что мы скажем теперь, будет уже нуждаться в значительных пополнениях: талант графа Толстого обнаружит перед нами новые качества, как обнаружил он «Севастопольскими рассказами»

¹⁶ Печатается с сокращениями. Впервые статья была опубликована в 12 номере «Современника» за 1856 год. Источник: Педагогическое наследие / Белинский В.Г., Герцен А.И., Чернышевский Н.Г., Добролюбов Н.А.; Сост. А.Ф. Смирнов. — М.: Педагогика, 1987. — С. 208–214.

стороны, которым не было случая обнаружиться в «Детстве» и «Отрочестве», как потом в «Записках маркера» и «Двух гусарах» он снова сделал шаг вперёд. Но талант этот, во всяком случае, уже довольно блистателен для того, чтобы каждый период его развития заслуживал быть отмечен с величайшей внимательностью. Посмотрим же, какие особенные черты он уже имел случай обнаружить в произведениях, которые известны читателям нашего журнала.

Наблюдательность у иных талантов имеет в себе нечто холодное, бесстрастное. У нас замечательнейшим представителем этой особенности был Пушкин. Трудно найти в русской литературе более точную и живую картину, как описание быта и привычек большого барина старых времён в начале его повести «Дубровский». Но трудно решить, как думает об изображаемых им чертах сам Пушкин. Кажется, он готов был бы отвечать на этот вопрос: «можно думать различно; мне какое дело, симпатию или антипатию возбудит в вас этот быт? Я и сам не могу решить, удивления или негодования он заслуживает». Эта наблюдательность — просто зоркость глаза и памятьливость. У новых наших писателей такого равнодушия вы не найдёте; их чувства более возбуждены, их ум более точен в своих суждениях. Не с равною охотою наполняют они свою фантазию всеми образами, какие только встречаются на их пути; их глаз с особенным вниманием всматривается в черты, которые принадлежат сфере жизни, наиболее их занимающей. Так, например, г. Тургенева особенно привлекают явления, положительным или отрицательным образом относящиеся к тому, что называется поэзией жизни, и к вопросу о гуманности. Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других; ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точ-

ке и опять и опять странствует, изменяясь по всей цепи воспоминаний; как мысль, рождённая первым ощущением, ведёт к другим мыслям, увлекается дальше и дальше, сливает грезы с действительными ощущениями, мечты о будущем с рефлексией о настоящем. Психологический анализ может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характеров; другого — влияния общественных отношений и житейских столкновений на характеры; третьего — связь чувств с действиями; четвёртого — анализ страстей; графа Толстого всего более — сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определённым термином.

Из других замечательнейших наших поэтов более развита эта сторона психологического анализа у Лермонтова; но и у него она всё-таки играет слишком второстепенную роль, обнаруживается редко, да и то почти в совершенном подчинении анализу чувства. Из тех страниц, где она выступает заметнее, едва ли не самая замечательная — памятные всем размышления Печорина о своих отношениях к княжне Мери, когда он замечает, что она совершенно увлеклась им, бросив кокетничанье с Грушницким для серьёзной страсти.

<...>изображение внутреннего монолога надобно, без преувеличения, назвать удивительным. Ни у кого другого из наших писателей не найдёте вы психических сцен, подмеченных с этой точки зрения. И, по нашему мнению, та сторона таланта графа Толстого, которая даёт ему возможность уловлять эти психические монологи, составляет в его таланте особенную, только ему свойственную силу. Мы не хотим сказать, что граф Толстой непременно и всегда будет давать нам такие картины: это совершенно зависит от положений, им изображаемых, и, наконец, просто от воли его. Однажды написав «Метель», которая вся состоит из ряда подобных внутренних сцен, он в другой

раз написал «Записки маркера», в которых нет ни одной такой сцены, потому что их не требовалось по идее рассказа. Выражаясь фигуральным языком, он умеет играть не одной этой струной, может играть или не играть на ней, но самая способность играть на ней придаёт уже его таланту особенность, которая видна во всем постоянно. Так, певец, обладающий в своём диапазоне необыкновенно высокими нотами, может не брать их, если то не требуется его партией, и всё-таки какую бы ноту он ни брал, хотя бы такую, которая равно доступна всем голосам, каждая его нота будет иметь совершенно особенную звучность, зависящую собственно от способности его брать высокую ноту, и в каждой ноте его будет обнаруживаться для знатока весь размер его диапазона.

Особенная черта в таланте графа Толстого, о которой мы говорили, так оригинальна, что нужно с большим вниманием всматриваться в неё, и тогда только мы поймём всю её важность для художественного достоинства его произведений. Психологический анализ есть едва ли не самое существенное из качеств, дающих силу творческому таланту. Но обыкновенно он имеет, если так можно выразиться, описательный характер, берёт определённое, неподвижное чувство и разлагает его на составные части, даёт нам, если так можно выразиться, анатомическую таблицу. В произведениях великих поэтов мы, кроме этой стороны его, замечаем и другое направление, проявление которого действует на читателя или зрителя чрезвычайно поразительно: это — уловление драматических переходов одного чувства в другое, одной мысли в другую. Но обыкновенно нам представляются только два крайних звена этой цепи, только начало и конец психического процесса, — это потому, что большинство поэтов, имеющих драматический элемент в своём таланте, заботятся преимущественно о результатах проявлений внутренней жизни, о столкновениях между людьми, о действиях, а не о таинственном процессе, посредством которого вырабатывается мысль или чувство; даже в монологах, которые, по-видимому, чаще всего должны бы служить выражением этого процесса, почти всегда выражается борьба чувств, и шум этой борьбы отвлекает наше внимание от законов и переходов, по которым совершаются ассоциации представлений, — мы заняты

их контрастом, а не формами их возникновения, почти всегда монологи, если содержат не простое анатомирование неподвижного чувства, только внешностью отличаются от диалогов: в знаменитых своих рефлексиях Гамлет как бы раздвоится и спорит сам с собою; его монологи, в сущности, принадлежат к тому же роду сцен, как и диалоги Фауста с Мефистофелем или споры маркиза Позы с Дон-Карлосом. Особенность таланта графа Толстого состоит в том, что она не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует самый процесс — и едва уловимые явления этой внутренней жизни, сменяющиеся одно другим с чрезвычайно быстротою и неистощимым разнообразием, мастерски изображаются графом Толстым. Есть живописцы, которые знамениты искусством улавлять мерцающее отражение луча на быстро катящихся волнах, трепетание света на шелестящих листьях, переливы его на изменчивых очертаниях облаков: о них по преимуществу говорят, что они умеют улавлять жизнь природы. Нечто подобное делает граф Толстой относительно таинственных движений психической жизни. В этом стоит, как нам кажется, совершенно оригинальная черта его таланта. Из всех замечательных русских писателей он один мастер на это дело.

Конечно, эта способность должна быть врождена от природы, как и всякая другая способность; но было бы недостаточно остановиться на этом слишком общем объяснении: только самостоятельную [нравственную] деятельностью развивается талант, и в той деятельности, о чрезвычайной энергии которой свидетельствует замеченная нами особенность произведений графа Толстого, надобно видеть основание силы, приобретённой его талантом. Мы говорим о самоуглублении, о стремлении к неутомимому наблюдению над самим собою. Законы человеческого действия, игру страстей, сцепление событий, влияние обстоятельств и отношений мы можем изучать,

внимательно наблюдая других людей; но все знание, приобретаемое этим путём, не будет иметь ни глубины, ни точности, если мы не изучим сокровеннейших законов психической жизни, игра которых открыта перед нами только в нашем [собственном] самознании. Кто не изучил человека в самом себе, никогда не достигнет глубокого знания людей. Та особенность таланта графа Толстого, о которой говорили мы выше, доказывает, что он чрезвычайно внимательно изучал тайны жизни человеческого духа в самом себе; это знание драгоценно не только потому, что доставило ему возможность написать картины внутренних движений человеческой мысли, на которые мы обратили внимание читателя, но ещё, быть может, больше потому, что дало ему прочную основу для изучения человеческой жизни вообще, для разгадывания характеров и пружин действия, борьбы страстей и впечатлений. Мы не ошибёмся, сказав, что самонаблюдение должно было чрезвычайно изострить вообще его наблюдательность, приучить его смотреть на людей проницательным взглядом.

Драгоценно в таланте это качество, едва ли не самое прочное из всех прав на славу истинно замечательного писателя. Знание человеческого сердца, способность раскрывать перед нами его тайны — ведь это первое слово в характеристике каждого из тех писателей, творения которых с удивлением перечитываются нами. И, чтобы говорить о графе Толстом, глубокое изучение человеческого сердца будет неизменно придавать очень высокое достоинство всему, что бы ни написал он и в каком бы духе ни написал. Вероятно, он напишет много такого, что будет поражать каждого читателя другими, более эффектными качествами — глубиной идеи, интересом концепций, сильными очертаниями характеров, яркими картинками быта — и в тех произведениях его, которые уже известны публике, этими достоинствами постоянно возвышался интерес, — но для истинного знатока всегда будет видно, — как очевидно и теперь, — что знание человеческого сердца — основная сила его таланта. Писатель

может увлекать сторонами более блистательными; но истинно силен и прочен его талант только тогда, когда обладает этим качеством.

Есть в таланте г. Толстого ещё другая сила, сообщающая его произведениям совершенно особенное достоинство своею чрезвычайно замечательной свежестью, — чистота нравственного чувства. Мы не проповедники пуританизма; напротив, мы опасаемся его: самый чистый пуританизм вреден уже тем, что делает сердце суровым, жёстким; самый искренний и правдивый моралист вреден тем, что ведёт за собою десятки лицемеров, прикрывающихся его именем. С другой стороны, мы не так слепы, чтобы не видеть чистого света высокой нравственной идеи во всех замечательных произведениях литературы нашего века. Никогда общественная нравственность не достигала такого высокого уровня, как в наше благородное время, благородное и прекрасное, несмотря на все остатки ветхой грязи, потому что все силы свои напрягает оно, чтобы омыться и очиститься от наследных грехов. И литература нашего времени, во всех замечательных своих произведениях без исключения, есть благородное проявление чистейшего нравственного чувства. Не то мы хотим сказать, что в произведениях графа Толстого чувство это сильнее, нежели в произведениях другого какого из замечательных наших писателей: в этом отношении все они равно высоки и благородны, но у него это чувство имеет особенный оттенок. У иных оно очищено страданием, отрицанием, просветлено сознательным убеждением, является уже только как плод долгих испытаний, мучительной борьбы, быть может, целого ряда падений. Не то у графа Толстого: у него нравственное чувство не восстановлено только рефлексией и опытом жизни, оно никогда не колебалось, сохранилось во всей юношеской непосредственности и свежести. Мы не будем сравнивать того и другого оттенка в гуманическом отношении, не будем говорить, который из них выше

по абсолютному значению, — это дело философского или социального трактата, а на рецензии, мы здесь говорим только об отношении нравственного чувства к достоинствам художественного произведения и должны признать, что в этом случае непосредственная, как бы сохранившаяся во всей непорочности от чистой поры юношества свежесть нравственного чувства придаёт поэзии особенную — трогательную и грациозную — очаровательность. От этого качества, по нашему мнению, во многом зависит прелесть рассказов графа Толстого. Не будем доказывать, что только при этой непосредственной свежести сердца можно было рассказать «Детство» и «Отрочество» с тем чрезвычайно верным колоритом, с тою нежною грациозностью, которые дают истинную жизнь этим повестям. Относительно «Детства» и «Отрочества» очевидно каждому, что без непорочности нравственного чувства невозможно было бы не только исполнить эти повести, но и задумать их. Укажем другой пример — в «Записках маркера»: историю падения души, созданной с благородным направлением, мог так поразительно и верно задумать и исполнить только талант, сохранивший первобытную чистоту.

Благотворное влияние этой черты таланта не ограничивается теми рассказами или эпизодами, в которых она выступает заметным образом на первый план: постоянно служит она оживительницею, освежительницею таланта. Что в мире поэтичнее, прелестнее чистой юношеской души, с радостною любовью откликающейся на все, что представляется ей возвышенным и благородным, чистым и прекрасным, как сама она? Кто не испытывал, как освежается его дух, просветляется его мысль, облагораживается все существо присутствием девственного душою существа, подобного Корделии, Офелии или Дездемоне? Кто не чувствовал, что присутствие такого существа навеивает поэзию на его душу, и не повторял вместе с героем г. Тургенева (в «Фаусте»)¹⁷:

*Своим крылом меня одень,
Волненье сердца утиши,
И благодатна будет сень
Для очарованной души...*

¹⁷ Неточная цитата из рассказа И.С. Тургенева «Фауст».

Такова же сила нравственной чистоты и в поэзии. Произведение, в котором веет её дыхание, действует на нас освежительно, миротворно, как природа, — ведь и тайна поэтического влияния природы едва ли не заключается в её непорочности. Много зависит от того же влияния нравственной чистоты и грациозной прелести произведений графа Толстого.

Эти две черты — глубокое знание тайных движений психической жизни и непосредственная чистота нравственного чувства, придающие теперь особенную физиономию произведениям графа Толстого, [всегда] останутся существенными чертами его таланта, какие бы новые стороны ни выказались в нём при дальнейшем его развитии.

Само собою разумеется, что всегда останется при нём и его художественность. Объясняя отличительные качества произведений графа Толстого, мы до сих пор не упоминали об этом достоинстве, потому что оно составляет принадлежность или, лучше сказать, сущность поэтического таланта вообще, будучи собственно только собирательным именем для обозначения всей совокупности качеств, свойственных произведениям талантливых писателей. Но стоит внимания то, что люди, особенно много толкующие о художественности, наименее понимают, в чём состоят её условия. Мы где-то читали недоумение относительно того, почему в «Детстве» и «Отрочестве» нет на первом плане какой-нибудь прекрасной девушки лет восемнадцати или двадцати, которая бы страстно влюблялась в какого-нибудь так же прекрасно-юношу...¹⁸ Удивительные понятия о художественности! Да ведь автор хотел изобразить детский и отроческий возраст, а не картину пылкой страсти, и разве вы не чувствуете, что, если бы он ввёл в свой рассказ эти фигуры и этот

¹⁸ Имеется в виду упрек, высказанный С.С. Дудышкиным (Отечественные записки. 1856. № 11. С. 17).

патетизм, дети, на которых он хотел обратить ваше внимание, были бы заслонены, их милые чувства перестали бы занимать вас, когда в рассказе явилась бы страстная любовь, — словом, разве вы не чувствуете, что единство рассказа было бы разрушено, что идея автора погибла бы, что условия художественности были бы оскорблены? Именно для того, чтобы соблюсти эти условия, автор не мог выводить в своих рассказах о детской жизни ничего такого, что заставило бы нас забыть о детях, отвернуться от них. Далее, там же мы нашли нечто вроде намека на то, что граф Толстой ошибся, не выставив картин общественной жизни в «Детстве» и «Отрочестве»; да мало ли и другого чего он не выставил в этих повестях? В них нет ни военных сцен, ни картин итальянской природы, ни исторических воспоминаний, нет вообще многого такого, что можно было бы, но неуместно и не должно было бы рассказывать: ведь автор хочет перенести нас в жизнь ребёнка, а разве ребёнок понимает общественные вопросы, разве

он имеет понятие о жизни общества? Весь этот элемент столь же чужд детской жизни, как лагерная жизнь, и условия художественности были бы точно так же нарушены, если бы в «Детстве» была изображена общественная жизнь, как и тогда, если бы изображена была в этой повести военная или историческая жизнь. Мы любим не меньше кого другого, чтобы в повестях изображалась общественная жизнь; но ведь надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускает внесение общественных вопросов в произведение; не должно забывать, что первый закон художественности — единство произведения и что потому, изображая «Детство», надобно изображать именно детство, а не что-либо другое, не общественные вопросы, не военные сцены, не Петра Великого и не Фауста, не Индиану¹⁹ и не Рудина, а дитя с его чувствами и понятиями. <...> **НО**

¹⁹ Индиана — героиня одноименного романа Ж. Санд.

N.G. Chernyshevsky Is The Central Figure In The Russian Social Thought 1860-ies

Svetlana S. Nevskaya, associate Professor, leading researcher of the center for the history of pedagogy and education Institute of education development strategy of the Russian Academy of education, doctor of pedagogy

Abstract. *The life and activity of one of the brightest representatives in social thought of tsarist Russia, N.G. Chernyshevsky. The views of Nikolai Gavrilovich on the education of young generation. The main idea of thinker is social change, leading to change in the whole society as a whole and each individual. The pedagogical ideal is a fully developed personality, ready for self-development and self-sacrifice for the public good. N.G. Chernyshevsky as an ideologue of decisive re-working of society — the preparation of strong, intelligent, freedom-loving people. The purpose of education according to Chernyshevsky is to prepare a fighter for justice, an active participant in civil matters, a fighter for the good of people, for his joyful free working life. The content of general education is mental (leading place), moral, physical and aesthetic education. Requirements for teacher: 1) knowledge of the student, respect for the person in him, 2) a high level of lesson, its content and form, interest and attention to the subject.*

Keywords: *social change, change in society and the individual, full development of personality, self-development and self-sacrifice, highly ideally and physically and spiritually fully developed personality.*

References:

1. The work was carried out within the framework of the state task OF the Institute of education development strategy of the Russian Academy of education «for 2017–2019 (? 27.8089.2017/BCH)» realization of the potential of historical and pedagogical research in modern pedagogical education».
2. Quoted in the book: «About Russia and Russian philosophical culture. The philosophers of the Russian post-revolutionary Diaspora. N. Berdyaev, B.P. Vysheslavtsev, V.N. Zenkovsky, P.A. Sorokin, G.P. Fedotov, G.V. Florensky. — Mmm.: «SCIENCE» 1990. — P. 136.
3. Father was the eldest son of the deacon of the village Chernyshevka Chembar district of the province of Penza Ivan Vasiliev (1763–1809) and his wife Evdokia (Avdotya) Markovna (1767–1835). After studying at the Tambov school Gavri-Il Ivanovich was transferred to the Penza Seminary, where for inclusion in the lists of the seminarians and get the name place of birth S. Chernyshove Penza province, Chernyshevsky. He married the daughter of Archpriest E.I. Goalbeva, in 1825 became Archpriest in Saratov; since 1826 — a member of the spiritual Board. G.I. Chernyshevsky was a man educated, knew languages and history.
4. Mother — Evgenia Golubeva E. (1803–1853), married I. G. Chernyshevsky in 1818, the Grandfather of N.G. Chernyshevsky's mother, Egor (Georgy) Ivanovich Golubev (1781–1818), served by Archpriest Saratov not made with hands-Spassky (Sergius) Church, were distinguished by learning, honesty, was loved by many. Grandmother (maternal) — Sang-Gaia Ivanovna Golubeva, nee Kirillova (1780–1847), daughter of Saratov priest John (Ivan) Kirillova [1761–1821] and his wife Moor Porfirievna [1761-after 1814], had two daughters, was adamant, domineering, subjugates others a woman of old age. The only mother's sister N.G. Chernyshevsky, Alexandra Egorovna Golubeva, was married to the Lieutenant of artillery Nikolai Mikhailovich Kotlyarevsky, and after his death — for small-placed noble man Nikolai Dmitrievich Pypin (1808–1893), Saratov official. Among their seven children was an. Pypin.
5. Chernyshevsky N. D. Full. Coll. Op.-M.: Goslitizdat, 1939–1953. Vol.1. — P. 356–357.
6. Father of Olga Saratov Sokratovna was Dr. Socrates E. Vasiliev (1796–1860) and his mother Anna Kirillovna Kazachkova is the daughter of Lieutenant General Kazachkovsky.
7. They had three sons. Alexander (5.03.1854, St. Petersburg, — 17.01.1915, Rome, Italy), mathematician education, life addicted to books. Victor (20.01.1857, St. Petersburg, — November 1860, ibid), die in childhood. Michael (7.10.1858, St. Petersburg, — 3.05.1924), was the first Director of the Museum-estate N. D. Chernyshevsky. He was married to Elena Matveevna Solovieva (1864–1940).
8. N.G. Chernyshevsky drew on the work of the revolutionary group of officers Sierakowski, Kalinowski, South-East etc.
9. Chief of police Dolgorukov gives a description of Chernyshevsky: «Suspected in the drafting of the proclamation «Great Russians», in participation of the compilation of other appeals and in constant arousal of hostile feelings to the government.
10. A Proclamation to «his master's peasants» were copied by hand and transferred to Mikhailov, Vsevolod Kostomarov, okazawa Musya, as it turned out, was a provocateur. In official documentation and correspondence between the gendarmerie and the secret-the Lyceum was called «the enemy of the Russian Empire number one». The reason for the arrest was intercepted by the police Herzen's letter to N. Ah. Serno-Solovyevich, in which the name of Chernyshevsky was mentioned in connection with the proposal of Izd-VAT of the banned Sovremennik in London. The investigation lasted about a year and a half.
11. The Organizer of one of the attempts release N.G. Chernyshevsky (1871) of the links were G. A. Lopatin. In 1875. free it tried I. N. Myshkin. In 1883 Chernyshevsky was transferred to Astrakhan (according to some data, during this period, he worked as a copyist Konstantin Fedorov).
12. N.D. Chernyshevsky wrote the following novels, stories about new people, stories, as well as literary and Philosophia criticism: «Stories in the story» (unfinished, 1863), «prologue» (unfinished, 1867–1870); «alferiev» (1863), «Small stories» (1864), «Evenings at the Princess Starobelsk» (was not printed, 1889); «On iskrennoti in criticism» (1854), «Poverty is not a Vice. Comedy of Ostrovsky» (1854). «Works of Pushkin» (1855), «Essays of Gogol's period of Russian literature» (1855–1856), «Alexander Pushkin. His life and withrepairs» (1856). «Poems of Koltsov» (1856), «Poems of N. Ogareva» (1856), «collection of poems rhenium V. Benedict» (1856), «Childhood and adolescence. War stories of count L.N. Tolstoy» (1856),

**С.С. Невская. Н.Г. Чернышевский – центральная фигура в русской социальной мысли
1860-х годов**

«essays on the peasant's life» (1857), «Lessing. His time, his life and work» (1857), «Provinceskie essays «Shchedrin» (1857), «Works of V. Zhukovsky» (1857). «Poems N. Shcherbina» (1857).), «Letters about Spain» by V. p. Botkin» (1857). «Russian man on rendez-vous. Reflections after reading the novel G. Turgenev's Asya» (1858), «a Collection of miracles of the novel, borrowed from mythology « (1860), «not the beginning of whether change? Stories N.In. Ouspensky. Two parts» (1861), etc.

13. When the official press published the Manifesto of Alexander II of February 19, 1861 on the first page, temporary «put only excerpts from the Royal Decree at the end of the book, in the form of applications, not having who it is possible to directly reveal the nature of the reform. In the same issue were printed poems of the American poet Longfellow «the Song of the blacks» and the article about the slavery of African Americans in the United States. Readers understood, that wants tell these editors.

14. In «Essays on political economy» N.G. Chernyshevsky transmits the teachings of utopian labour decrees Vaya the need for large-scale production, and explains the disadvantages of wage labor. N.G. Chernyshevsky believed that «the consumer of the product should be its owner-producer». According to who Fourier vision, N.D. Chernyshevsky pointed to the exaggerated importance of trade in the modern society and the shortcomings of its organization.

15. The Period of transition from the cultivation of land by private forces of individual host to a community treatment worldly Dachi N.G. Chernyshevsky was estimated at 20–30 years.

16. Printed with abbreviations. For the first time the article was published in the 12th issue of «Contemporary» in 1856 year. Source: teaching heritage / by V.G. Belinsky, A.I. Herzen, N. Chernyshevsky. G., DOB N.; Comp. A.F. Smirnov. — Moscow: Pedagogy, 1987. — P. 208–214.

17. Inaccurate quote from a story by Ivan Turgenev, «Faust».

18. This refers to the reproach expressed by S.S. Dudyshkin (domestic notes. 1856. No. 11. C. 17).

19. Indiana — the heroine of the novel by J. Sand.